

**Отзыв на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская
литература и литературы народов Российской Федерации
Устимова Олега Владимировича
«Ф.М. Достоевский и спиритизм: поэтика и культурно-семиотическая
предыстория»**

Диссертация Устимова Олега Владимировича производит очень хорошее впечатление своей обстоятельностью, систематичностью, масштабностью задействованного научного аппарата. Диссертант показал филологическую эрудицию и профессиональность. В работе задействован материал всего творчества Достоевского, выбор которого свидетельствует о тонком чувстве текста и художественных приемов Достоевского. Диссертация отличается профессиональным владением корпусом текстов Достоевского, способностью переходить от отдельных наблюдений к широким обобщениям, исчерпывающим знанием критической, аналитической и теоретической научной литературы по изучаемой проблеме. Работа отличается богатством языка, умением оперировать терминологией различных современных литературоведческих школ и композиционной стройностью. Сам текст диссертации иерархически структурирован на главы, параграфы и выводы по главам, что помогает его восприятию как целостности. Основательностью отличается теоретическая база исследования, охватывающая психоанализ, структурализм, деконструктивизм, американскую новую критику, теорию диалога. Большое внимание уделено теоретическим проблемам взаимодействия автора и читателя, культуролого-психологическим основам восприятия художественного текста. Широко привлекаются также исследования творчества Достоевского по выбранной автором теме. Диссертация раскрывает ранее не изученную с такой обстоятельностью тему спиритизма в позднем творчестве Достоевского с помощью современной научной методологии, в то же время в значительной степени опираясь на классические теоретические труды М.М. Бахтина, В. Н. Топорова, Р. Барта, Ж. Лакана, А. А. Фаустова, труды по спиритизму В. С.Раздьяконова, И. Ю.Виницкого, работы по Достоевскому Н. Бердяева, В. Е. Ветловской, М. Джонса, Л. И. Сараскиной, Б. Н.Тихомирова, Д.Мартинсен, Т.А.Касаткиной и др.

Диссертант удачно сочетает значительную эрудированность и концептуальную оригинальность мысли. Его выгодно отличает самостоятельность суждений с научной зрелостью. Положения, выносимые на защиту, представляются нам верными, актуальными и научно обоснованными.

Первая глава «Спиритизм в русской культуре и литературе второй половины XIX века» посвящена изучению роли спиритизма в западном и российском культурном семиозисе. выделяются три ключевых подхода к критике спиритизма – христианский, научный и философский, представленных, святителем Феофаном Затворником, Д.И. Менделеевым и Н.Н.Страховым, а также разбирается соотношение критики спиритизма Достоевским с этими тремя подходами.

Прослеживаются спиритические мотивы в русской литературе второй половины XIX века; роман П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» и «таинственные повести» И. С. Тургенева.

Хотелось бы сделать от себя несколько дополнений и предложений по развитию темы.

Помимо тех произведений, где речь идет напрямую о спиритизме («Дым» Тургенева, «Жертва вечерняя» Боборыкина), диссертант упоминает фантастические повести Тургенева («Призраки», «Песнь торжествующей любви»), где прямо о спиритизме речь не идет, но можно выявить «актантные модели спиритизма» по непосредственно связанным с ним мотивам, таким как «магнетизм, телепатия, телекинез, полтергейст, призрак, раздвоение личности, возвращение умерших, медиумизм, транс, туман, свет, гипноз, внушение, спиритический кружок, сомнамбула». При таком расширении, однако, можно существенно расширить круг связанных мотивно со спиритизмом текстов, доступных Достоевскому. К примеру, баллады Жуковского (явления призраков), фантастические повести В.Ф. Одоевского, «Гробовщик» Пушкина (явления мертвецов), «Медный всадник» (безумный Евгений в состоянии транса вызывает дух Петра, оживляющий статую), «Страшная месть» Гоголя (колдун вызывает душу Катерины), «Вий», «Стук! Стук!» того же Тургенева. Если брать контекст времени написания «пятикнижия» Достоевского, то стоило упомянуть поэму А.Н. Майкова «Сны» (прямо повлиявшую на «Сон смешного человека» – там куда больше сближений со «Сном», чем в разбираемых диссертантом повестях Э. По) и поэму А.К. Толстого «Портрет» (мальчик силой любви в сомнамбулическом сне оживляет портрет своего предка). Это то, что приходит на ум сразу: естественно, «таинственная» традиция в русской литературе гораздо богаче.

Диссертант может обоснованно возразить, что в его задачи не входило рассмотрение фантастических мотивов в русской литературе в целом и у Достоевского в частности. Однако смежные «фантастические повести» Тургенева все же им рассматриваются, а у Достоевского «спиритическая» поэтика расширена до «спиритического кода» в «Братьях Карамазовых», «Сне смешного человека» и в «Бесах», где тоже речь о спиритизме в прямом смысле слова не идет, так что тогда логично было бы проследить и русскую литературную традицию, связанную мотивно со спиритизмом, а не ограничиваться Тургеневым и Боборыкиным.

Далее, если говорится о влиянии на Достоевского фантастических повестей Э. По, то логично было бы очертить и хотя бы самые важные из известных Достоевскому сюжетов общения с духами в *западной* литературе: «Манфред» Байрона, «Фауст» Гете, «Монах» Льюиса (и вообще готическую традицию, смежно близкую со спиритизмом), столь важный для Достоевского Гофман (которого Достоевский прочел всего, даже непереведенного), и наконец, «Духовидец» любимого Достоевским Шиллера (с прямым изображением спиритического сеанса).

Это помогло бы диссертанту расширить спектр спиритических мотивов и у самого Достоевского. Прежде всего, напрашивается «Хозяйка» – с мотивами магнетизма и сомнамбулического сна, вызывания мертвецов (обращение Катерины к умершему купцу Алеше) написанная под очевидным влиянием Гофмана и «Страшной мести» Гоголя. Она не упоминается в диссертации. Упоминается «Бобок», но только в связи с пародическим обыгрыванием псевдонима Боборыкина. А ведь там в фантастическом сне герой слышит разговоры мертвецов. Нам кажется, по данной теме разбор «Бобка» заслуживал бы хотя бы самостоятельного параграфа.

То же относится и к «Преступлению и наказанию». В диссертации со ссылкой на Милоша говорится о Свидригайлове как о побывавшем в аду, но подробно сам образ и связанная с ним мистика не разбирается. А Свидригайлов единственный в «пятикнижии» общается с призраками убитых им жертв. Все встречи Раскольникова со Свидригайловым оформляются фантастически: он всякий раз появляется «из ниоткуда», как дух. Вообще пограничное состояние Раскольникова между сном и

явью на протяжении почти всего романа заслуживало бы отдельного рассмотрения в связи с темой спиритизма. Далее, примечательна практически инсценировка спиритического сеанса Порфирием, который при допросе погружает Раскольникова в «транс», чтобы добиться признаний, с запланированным явлением в конце призрака «из-под земли» – спрятанного за ширмами мещанина.

Интересные похожие мотивы можно было бы проследить и в «Идиоте»: сумеречное состояние Мышкина в Петербурге перед припадком и вообще роль Мышкина как медиума-визионера, видения которого таинственно и катастрофически воплощаются в действительность (см. об этом мою статью «О специфике визуального мира и семантике видений в романе Достоевского «Идиот»). Понимаю, что каждый специалист видит в теме свои аспекты при ее раскрытии. Надеюсь, что при публикации монографии по теме диссертации некоторые из предложенных мной дополнений пригодятся диссертанту.

Во второй главе подробно и верно проанализировано отношение Достоевского к спиритизму на основании его статей в «Дневнике писателя» и реплики черта в «Братьях Карамазовых». Это дало повод исследователю поднять вопрос о философии религии у Достоевского, в связи с чем был сделан ряд важных и справедливых выводов. Объяснено, почему Достоевский скептически относился к спиритизму даже невзирая на отказ оспаривать явления, происходившие на сеансе, на котором он лично присутствовал. Удачно разобраны в связи с проблемой спиритизма образы черта, Феррапонта и Федора Павловича Карамазова, а заодно и специфика их дискурса.

С отдельными выводами диссертанта все же хотелось бы пополюемизировать.

Так, при рассмотрении спиритических мотивов «Сна смешного человека» Олег Владимирович ссылается на Сведенборга и Фламариона, который писал «о путешествиях духов, не замерзающих в пространстве», а также учил о населенности других планет духами. Дело в том, что для Достоевского мир, куда попадает герой во сне – это не иная планета населенная духами, а именно «наша Земля» до грехопадения, и он видит во сне историю **земного** человечества.

Диссертант пишет: «Утопия «Сна смешного человека» – это не воплощение идеала христианской любви, чаемое Достоевским, а спиритическая утопия Дэвиса, хотя и отличающаяся от иронической зарисовки из статьи «Нечто о чертях...», но только во внешних чертах. Суть в них одна, и эта их суть Достоевским отвергается». (с. 75). Таким образом, диссертантом делается попытка связать картину земного рая со спиритизмом на основании того, что подобные «утопии» концепировали видные спириты. В то же время диссертант выше утверждает, что спиритизм Достоевский считал бесовщиной. Значит ли это, что картины земного рая (в «Сне смешного человека», снах Версилова и Ставрогина) для Достоевского демоничны, ложны? Значит ли, что для Достоевского демоничен по сути сам идеал мировой гармонии?

С нашей точки зрения, для Достоевского тоска по раю – своего рода неотъемлемый от души архетип, из которого произошли все религии и без которого духовное развитие человечества непредставимо. Его он и попытался изобразить в «Сне смешного человека» в картине человечества до грехопадения. Это не совсем правильно называть **утопией** (хотя многие исследователи употребляют это наименование). Утопия – это некое идеальное социальное устройство, а в мечте о рае героев Достоевского нет социальной составляющей: **это скорее религиозное переживание, состояние души до грехопадения, всеобщая любовь и потребность в красоте, которая спасет мир.** Диссертант даже находит в идиллии сна

«социальный строй в стиле французских утопистов» – Вопрос: как можно говорить о «социальном строе» в раю? (Кстати, Фурье тоже предполагает до начала истории человечества идиллию первоначальной гармонии, но и для Фурье она не является целью и моделью построения будущего идеального общества, которое и можно назвать утопией).

Достоевский сам понимает невозможность вернуться в доисторическое состояние невинности, но и не стремится воплотить его, это невозможно состояния первоначальной безгрешности и невинности. Теперь наступил период «всемирного разъединения», выходом из которого будет новое, сознательное объединение человечества во Христе. Утопией для Достоевского была, таким образом, не первоначальная невинность до грехопадения, но миллениум – будущее тысячелетнее царствие Христа на Земле.

То, что похожую утопию мы находим у спиритов, свидетельствует лишь о том, что мечта об идеальном устройении человечества на Земле была свойственна всему 19 веку, от крайних правых до крайних левых (как и у Достоевского – от Зосимы и Мышкина до Шигалева и Петра Верховенского) и как таковая была присуща и спиритам, как и Достоевскому. Но это не значит что Достоевский связывал ее со спиритизмом, равно как и с социализмом, иначе ему бы пришлось признать ее демонической, чего он не делает.

Несколько замечаний мы хотим также сделать по поводу анализа Олегом Владимировичем романа «Бесы» в главе 3. «Ф. М. Достоевский и спиритический код эпохи. 3.1. Идея, голос и письмо у Ф.М. Достоевского: спиритическая перспектива».

Опираясь на известную концепцию Н. Бердяева, состоящую в том, что «Бесах» большинство героев являются эманациями главного – Ставрогина, которым он передал свои идеи, сам отказавшись от оных, диссертант пытается понять эту схему как «спиритический код», представляя Ставрогина в функции медиума на спиритическом сеансе, голос которого «отчуждается» говорящими с помощью него духами.

Диссертант видит в этом яркое проявление механизма экстернализации:

«Для Достоевского, как мы отмечали ранее, демоническим психическим механизмом является экстернализация – вынесения вне Я части себя вследствие отказа от принятия своих идей, желаний, мыслей и чувств как части себя» (с. 102).

Исходя из этого диссертант утверждает: «Можно заключить, что, по Достоевскому, экстернализация – самый бесовской психический механизм, поскольку материализует, вынося вовне, внутренние противоречия личности, тем самым отчуждая человека от самого себя и, впоследствии, от остальных, поскольку расщепленная личность не может вступать в здоровые формы коллективности» (с.66). Возникает вопрос: А почему данный механизм обязательно бесовский? Вообще-то вынесение вовне внутренних противоречий (в беседе с конфидендом, на исповеди или у психолога, ведение личного дневника с самоанализом) может быть, наоборот, путем исцеления. Равно как и у Достоевского исповеди героев друг другу – попытка исцелить себя другим (Так, Иван говорит Алеше: «Я, наоборот, хочу исцелить себя тобою»)). Или по мнению диссертанта, это не то, что он именуется экстернализацией? Но ведь на исповеди мы тоже высказываем то, что мы не желаем принимать в себе?

Далее диссертант пытается показать подобное расщепление личности (вследствие одержимости персонажей идеями как характерный для всей поэтики Достоевского механизм, опираясь на концепции дематериализации голоса по Бахтину, функционирование персонажей как дептонов своих собственных идей по Энгельгардту,

механизм отчуждения идеи от носителя с последующим ее овеществлением по концепции Штирнера, якобы повлиявшей на Достоевского и, наконец, механизм объективизации голоса в психоанализе. Таким образом, анализ личности Ставрогина в главе концептуально перерастает в рассмотрение антропологии и демонологии Достоевского в целом:

«Ставрогин произвел идеи, вынес их во вне и начал избегать их, как если бы они были не частью его самого. Бесы романа – это идеи Ставрогина, обретшие самостоятельное существование, человеческую плоть, и говорящие со Ставрогиным его голосом». с. 105) «Экстернализация собственного голоса, идеи, мыслей или чувств путем их материализации (степень которой увеличивается от голоса до письма, от призрака к двойнику) и отказ от собственной свободы, ответственности и решимости в отношении этой материализации, которая впоследствии запускает динамику господства и подчинения с самим экстернализирующим субъектом и/или другими людьми. Самым ярким примером такого субъекта выступает Ставрогин – фрагментированная личность, фрагменты которой становятся отдельными людьми, двойниками и призраками, в отношении которых Ставрогин сохраняет молчание и бездействие, отказывается признавать свою ответственность за них, позволяя им вершить хаос и злодеяния (с. 108).

Так диссертант, отталкиваясь от локальной темы спиритизма, выходит на сложные, принципиально важные проблемы интерпретации творчества Достоевского. Поэтому приходится уточнить несколько моментов.

Во-первых, понятия **«голос – идея – двойник – другой»** в поэтике Достоевского не изоморфны и не гомогенны, так что их нельзя объединять в один «комплекс» того, что «отчуждается» от распадающейся личности (когда якобы вместе с *идеей* отчуждается *голос*, который воплощается в *двойнике*, то есть *другом*). Такой устойчивой идейно-сюжетной модели у Достоевского нет.

Во-вторых, фигура **Ставрогина** как потенциального «человекобога» уникальна в творчестве Достоевского: кроме него, никто из героев-идеологов «пятикнижия» не имеет больше одной идеи и не отделяет их от себя. То есть по нему нельзя судить о всей поэтике Достоевского. Более того, остальные герои верны своей идее вплоть до самоубийства, преступления или сумасшествия. Если же все-таки наличествует **отказ** от идеи (**не отчуждение ее**), то он дается положительно – как перерождение и исцеление (Раскольников и Аркадий Долгорукий в финалах).

То есть отчуждение **идей** от героя наблюдается в творчестве Достоевского в единственном случае. **Голос** же не отчуждается от героя *никогда*, даже в случае Ставрогина. Это легко проследить по персональному интонированию голосов персонажей (все адепты Ставрогина говорят несходно со Ставрогиным, и даже черт говорит не тем голосом, что Иван, а своим). Персонажи действительно транслируют Ставрогину его идеи, но они не «бесы», а бесноватые, одержимые. И таковые – не все из них. Разве Шатов, жертва «бесов», – сам тоже «бес»?

В-третьих, образ Ставрогина не может быть признан однозначно демоническим. Это по замыслу не «бес», а «великий грешник», «сверхчеловек», с бесконечными способностями как к разрушению мира, так и к спасительному для России подвигу. Соответственно, его идеи тоже разнонаправлены, и идея о русском народе-богоносце, в которой он убеждал Шатова, не может быть признана темной стороной его натуры, хотя он и «экстернализирует» ее. Образ Ставрогина вообще очень сложен и загадочен, но интерпретация его диссертантом как «Америки» – «страны мертвых» («Ставрогин-Америка, страна духов»), откуда его адепты пытаются «вызвать»,

подобно духам, свои идеи, представляется спорной. С нашей точки зрения, правильный ключ к образу Ставрогина дает эпиграф к роману об исцелении Христом гадаринского бесноватого, из которого вышел легион бесов (См. об этом нашу работу «Сюжетология романов Ф.М. Достоевского». М., 2017. С. 111-114, 126-135).

В-четвертых, появление двойников нельзя считать сознательной экстернализацией: они всегда появляются помимо воли персонажа и крайне его тяготят (как Ивана появление черта). Это следствие ложности идеи, но не отказа от нее. Понятие «двойника» – вообще очень размыто в достоевсковедении и требует терминологической точности. Адепты Ставрогина – не полные его «двойники».

В продолжении данного параграфа Олег Владимирович затрагивает еще одну интересную теоретическую проблему. Письменные тексты героев Достоевского он считает также экстернализацией внутренних противоречий личности, что ведет, по мнению диссертанта, к дефрагментации личности пишущего, раздвоению его «Я», отчуждению его голоса как звучащего слова.

Это в свою очередь приводит диссертанта к признанию «демоническим» процессом само написание художественных текстов как процесс отчуждения слова как части личности автора. (Правда, тут же в работе уточняется, что писательство не всегда является демоническим, но только в случае злоупотребления писателем своей властью над читателем).

Тем не менее Олег Владимирович настаивает на демоничности писательства в контексте творчества Достоевского:

«Связь между чертовщиной и письменным текстом присутствует на протяжении всего творчества Достоевского <...> Раскольников оформляет свои идеи о господстве сверхчеловека над обычными людьми в виде опубликованной статьи и пытается уклониться от признания своего авторства перед Порфирием Петровичем, Иван Карамазов пишет «Геологический переворот» и «Поэму о Великом Инквизиторе» (тоже посвященную вопросам власти) и стыдится их, а самый демонический роман Достоевского, «Бесы», является, по выражению Л. Сараскиной, «самым «литературным» романом Достоевского», поскольку разного рода и жанра тексты производят практически все персонажи «Бесов»» (с. 106).

С этим высказыванием можно поспорить сразу по нескольким пунктам: 1) Раскольников отнюдь не пытается скрыть авторство своей статьи, что легко прослеживается по тексту; 2) далеко не всякая статья героев оказывается «бесовской» по содержанию: так, статью Ивана Карамазова о необходимости трансформации государства в церковь одобряет сам Зосима! 3) Иван Карамазов не **пишет** свои поэмы, а сочиняет в воображении (то есть их придется отнести к устному и, по концепции диссертанта, не столь демонически отчужденному слову)¹. Кроме того, он их не «стыдится», не отказывается от них, а дорожит ими и просто не хочет, чтобы их осмеял черт (то есть он не «отчуждает» их от себя, в отличие от Ставрогина); 4) выражение Л. Сараскиной о «Бесах» как о «самом «литературном» романе Достоевского», (не самое удачное само по себе, все равно что «самая цифровая математика») весьма спорно: коли роман «литературный», тогда следует, наверно, о **художественных** интертекстах только говорить? Почему делается расширение до «разного рода и жанра текстов»? Или теоретический опус Шигалева тоже делает роман «литературным»? А собственно литературных текстов персонажи «Бесов»

¹ «← О нет, **не написал**, – засмеялся Иван, - и никогда в жизни я не сочинил даже двух стихов. Но я поэму эту выдумал и запомнил».

порождают немного: это стихи Лебядкина да юношеская поэма Степана Трофимовича. Это не принципиально больше, чем в других романах; 5) Наконец, для Достоевского скорее типичен пересказ письменных текстов не буквально, а голосом², а действительно цитируемые лит тексты принадлежат не самим героям.

Необходимость в столь развернутом ответе, пространность и дотошная детальность наших замечаний, сами по себе свидетельствуют, на наш взгляд, об остроте, глубине и тонкости проблем достоевсковедения, поднятых в диссертации, и красноречиво говорят о ее оригинальности и научной важности.

В последнем параграфе 3 главы диссертант разбирает Пушкинскую речь Достоевского под углом «спиритического кода» эпохи 19 века и показывает ее по форме (воздействию на публику, приведших к всеобщему восторгу, подобному трансу) и по содержанию (экзегезы Пушкина якобы от его имени) подобием спиритического сеанса:

«Достоевский, выступая на Пушкинском празднике 1880 года, принял на себя позицию критика, доносящего до публики истинные мысли и взгляды Пушкина, а в некоторых частях речи даже как бы от его имени. Эта диспозиция была соотнесена нами с тем, что в первой главе мы назвали «спиритической актантной формацией», задающей определенную коммуникативную логику: медиум для публики выражает истинные взгляды и мысли умершего. <...> Подчеркнем, что эта актантная формация, обнаруженная нами в выступлении Достоевского на Пушкинском празднике, может быть обнаружена и в литературно-критическом дискурсе эпохи в целом» (с. 123). Однако по такой логике любая проповедь в церкви (выступление от имени Христа) или университетская лекция (истолкование умершего классика, с претензией на правильное его понимание) является «спиритической актантной формацией»? Мне кажется, что «дискурс эпохи XIX века» тут относителен. Такое бывало хоть в средние века, хоть сейчас. Хотелось бы услышать уточнения диссертантом его позиции.

Высказанные замечания несут полемический, а не негативный характер, по большей части являются частными и уточняющими.

Диссертация **«Ф.М. Достоевский и спиритизм: поэтика и культурно-семиотическая предыстория»** соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, отрасли наук – Филологические науки и требованиям п.9 Положения о присуждении ученых степеней в УРФУ, а ее автор **Устимов Олег Владимирович** заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Официальный оппонент:

Креницын Александр Борисович,

доктор филологических наук (научная специальность 10.01.01 – русская литература), доцент, профессор кафедры истории русской литературы ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

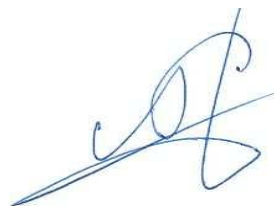
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, филологический факультет:
<https://www.msu.ru>, тел. 8(495) 939-32-77, (ruslit@philol.msu.ru)

личные данные: derselbe@list.ru

² Письменные исповеди Ипполита и Ставрогина фактически являются полноценными главы самого романа, просто с переходом к повествованию от 1 лица. Опять-таки они не пишутся как художественные тексты.

Против включения персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой представленной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Креницын А. К.

Подпись удостоверена:

15.01.2025

секретарём декана

Октябрьской А.И.

